

СТАТЬЯ Ю. ВЕСЕЛОВСКОГО «ЧЕХОВ И АРМЯНСКИЕ ЧИТАТЕЛИ»

М. К. АЙВАЗЯН

Первым исследователем, обратившим свое внимание к теме взаимосвязей А. П. Чехова с армянской литературой, был известный литературовед, переводчик и поэт Юрий Александрович Веселовский, который еще в 1905 году опубликовал в трех номерах газеты «Новое обозрение» обширную статью «Чехов и армянские читатели»¹.

Предыстория этой статьи такова: задумав ее, Ю. Веселовский обратился с письмом к большому почитателю таланта Чехова Нар-Досу с просьбой прислать ему список армянских переводов произведений русского писателя, помещенных на столбцах газеты «Եր-Դշր». «Конечно,—пишет Ю. Веселовский,—я не ожидаю, что перечислите мне все переводы без исключения,—это было бы слишком обременительно для Вас, —ис по крайней мере самые главные! Некоторые переводы, может быть, сам знаю, т. к. получал в свое время «Եր-Դշր». Ответ Ваш прошу написать на армянском, кроме названий чеховских рассказов. Чем скорее получу от Вас ответ, тем лучше. Если Вы случайно знаете, что и в «Տիրիշ» были помещены переводы из Чехова, пожалуйста, укажите и их»².

Далее Ю. Веселовский сообщает Нар-Досу о публикации известной его работы «Русское влияние в армянской литературе», из которой вследствие больших сокращений выпало и высказывание Нар-Доса о том воздействии, которое оказало на него творчество русских писателей, в частности А. П. Чехова. «Вскоре,—продолжает Ю. Веселовский,—надеюсь издать новую книгу «Армянские этюды»—собрание десяти больших статей по армянской литературе; там должна появиться и статья о русском влиянии в полном виде—она будет в 1 1/2 раза больше, чем в Русских ведомостях: не знаю, известно ли Вам, 12 декабря 1904 года была напечатана моя статья «Скорбные образы», в которой я, между прочим, разбираю Вашу интересную повесть «Дочь моего хозяина», с удовольствием прочитанную мною»³.

Не дождавшись еще ответа от Нар-Доса, Ю. Веселовский вновь обращается к нему с письмом по этому поводу: «Предполагаю в самом ближайшем будущем приняться за статью о Чехове в армянской литературе. С нетерпением жду от Вас ответа на то письмо, с которым я обратился недели три тому назад, прося Вас указать мне, какие переводы из Чехова были помещены в «Եր-Դշր». Позвольте надеяться, что Вы не откажетесь исполнить в ближайшем будущем мою просьбу»⁴.

Видимо, едва только успев отправить свое второе письмо, Ю. Веселовский получил от Нар-Доса ответ с приложением списка переводов из Чехова на армянский язык. Сообщив об этом своему адресату, Ю. Веселовский благодарит Нар-Доса, указав, что составленный им список очень пригодится для статьи о Чехове⁵.

Свою статью «Чехов и армянские читатели»⁶ Ю. Веселовский начинает с замечания, что навряд ли, рисуя в рассказе «Красавицы» чарующий облик молодой армянки, расцветшей среди южнорусских степей и невольно приковывающей внимание всех, кому приходилось ее видеть, Чехов мог подозревать о том, что его произведения, в

¹ «Новое обозрение», 1905, № 177—180.

² Архив Литературного музея Армении, фонд Нар-Доса, ед. хр. 279.

³ Там же.

⁴ Там же, ед. хр. 278.

⁵ Там же, ед. хр. 280.

⁶ «Новое обозрение», 1905, № 177, 179, 180.

частности этот самый рассказ, найдут почитателей в том мире, к которому принадлежит одна из упомянутых им красавиц. Однако произошло то, о чем А. П. Чехов предполагать не мог, — созданные им произведения еще при жизни писателя стали переводиться на армянский язык, появляться на страницах армянских периодических изданий.

Отметив, что смерть писателя вызвала целый поток статей о нем, Ю. Веселовский считает необходимым собрать статистические данные, которые показали бы степень популярности А. П. Чехова не только в русском обществе, но и среди читающей публики других стран и народов. Подробного типа работы уже появились, в частности статьи, рассматривающие отношение французов к Чехову, о немецких переводах его сочинений, о взглядах на них немецкой печати.

«Если вопрос о том, — пишет Ю. Веселовский, — как относились к автору «Дяди Ванни» в Германии или Франции, представляет бесспорный интерес, то не менее любопытно было бы проследить, какое впечатление произвели его отдельные вещи на более интеллигентных и отзывчивых представителей различных народностей, населяющих Россию и невольно поддающихся некоторому влиянию русской умственной жизни».

В этой области кое-что сделано, в частности в одном из столичных изданий была заметка о латышских переводах многих вещей русского писателя. Считая все подобные факты любопытными и отрадными, Ю. Веселовский обращает внимание на то, что и в армянском обществе у Чехова нашлись читатели и сторонники, усердно принявшиеся за перевод его произведений на родной язык, а также органы печати, открывшие для этих переводов свои столбцы. Особенно радует то, что некоторые представители армянского литературного мира определенно выразили свое сочувственное отношение к творчеству Чехова.

«Ничего другого, впрочем, нельзя было ожидать, — заключает Ю. Веселовский. — Быстрыми шагами идет вперед ознакомление армянской читающей публики с русской беллетристикой при помощи многочисленных переводов».

Перейдя непосредственно к цели своей статьи, Ю. Веселовский указывает на то, что несколько произведений Чехова были напечатаны в армянских переводах на страницах журнала «Мурч»; 8–9 рассказов — в журнале «Тума», наконец, несколько десятков мелких рассказов (более 40) — в газете «Нор-Дар». Последней, прежде всего, и принадлежит честь популяризации творчества Чехова в армянской среде. Из армянских переводчиков он особо выделяет Муше Вардапета, известного также своими переводами других русских писателей, например «Слепого музыканта» Короленко.

Перечислив все имеющиеся, по его сведениям, переводы произведений Чехова на армянском языке, Ю. Веселовский задается вопросом, как относятся к А. П. Чехову «его армянские собратья по перу и кого именно из современных армянских беллетристов мы должны причислить к его почитателям и последователям».

Два армянских писателя — Ширванзаде и Нар-Дос дали противоположные ответы на вопрос о значении для их творчества художественных достижений русского писателя.

В письме первого, проникнутого в целом сочувствием к русской литературе, вообще отрицается самый факт влияния на него русских авторов.

Иного мнения придерживается Нар-Дос. Признавая плодотворность влияния русской литературы на армянскую, он с восторгом отзываясь о Чехове. Нар-Дос пишет: «Из новейших писателей я очень люблю Чехова, каждая маленькая вещь которого стоит многотомного романа. По моему мнению, из новейших русских беллетристов один Чехов является носителем лучших традиций русского повествовательного творчества».

Приведя эти противоположные отзывы, Ю. Веселовский склоняется к тому, что оценка Нар-Доса вернее передает отношение большей части армянской интеллигенции и литературного мира к Чехову, чем отрицательное мнение А. Ширванзаде. «Уже один факт появления многочисленных армянских переводов из Чехова свидетельствует об этом; можно только пожелать, чтобы с течением времени переведены были и более крупные, глубокие вещи русского автора».

В другой своей работе, о которой Ю. Веселовский упоминал в письме к Нар-Досу, «Русское влияние на современную армянскую литературу»⁷ на вопрос, вынесенный в заголовок книги, помещены ответы таких армянских писателей, как Ал. Цатурян, Ов. Туманян, И. Иоаннисян и др.

Конкретно о Чехове, помимо Ширванзаде и Нар-Доса, чьи мнения Ю. Веселовский уже привел в разобранный выше статье в газете «Новое обозрение», дано и высказывание Лео (Ар. Бабаханян).

Указывая на большую роль русской литературы в формировании его эстетических взглядов, Лео пишет: «Как человек, близко стоящий к армянской литературе, имеющий по роду своих занятий обширное знакомство не только с тем, что печатается и выходит в свет, я могу удостоверить, что вообще все русские армяне питаются русской литературой. Можно сказать, что нет в современной русской литературе более или менее выдающихся произведений, которые бы не переводились на армянский язык. Горький, Чехов, Андреев, Вересаев усиленно переводятся и печатаются»⁸.

Мы столь подробно изложили статью Ю. Веселовского не только потому, что она явилась первой попыткой исследования популярности Чехова в армянской действительности, но и из-за содержащегося в ней фактического материала, подтверждающего уже тогда наметившиеся взаимосвязи творчества русского писателя с армянской литературой.

Вместе с тем нужно сказать, что в целом статья Ю. Веселовского не касается вопросов качества переводов произведений Чехова на армянский язык, борьбы вокруг наследия русского писателя различных течений армянской общественной мысли. Больше того, приведя свидетельство Нар-Доса, автор не пытается выяснить, в чем тот конкретно видит влияние Чехова на его собственное творчество. Слишком общий характер постановки вопроса в анкете Ю. Веселовского, ограниченность той задачи, которую он ставил перед собой, во многом снизили значимость собранного им материала.

Сказанное не означает, что от Ю. Веселовского требовалось на анализе конкретных произведений отдельных армянских писателей раскрыть, в чем и как выразилось это влияние: в заимствовании ли темы или идеи произведения, изобразительных и выразительных средств и т. п., ибо вопрос о влиянии — сложный в литературной науке и не может быть сведен к схожести и совпадению тех или иных элементов в содержании и в форме.

Ни один исследователь русско-армянских литературных связей и творчества ряда армянских писателей не может пройти мимо статей Ю. Веселовского. Его бесспорная заслуга состоит в том, что он привлек внимание к важной и существенной стороне культурно-политической жизни армянского народа — к проблеме обмена художественными ценностями.

⁷ Ю. Веселовский. Русское влияние на современную армянскую литературу. М., 1909.

⁸ Там же, стр. 37.